

УДК 37.018.1+159.922.7

ББК 74.90

К70

Перевод с польского Ульяны Хомич

Корчак, Я.

К70   **Право ребенка на уважение ; Как любить ребенка / Януш Корчак ; пер. с пол. Ульяны Хомич. — Минск : Дискурс, 2019. — 448 с. ISBN 978-985-90468-7-2.**

Под одной обложкой собраны две работы выдающегося польского гуманиста, педагога и писателя Януша Корчака. «Право ребенка на уважение», впервые опубликованное в Варшаве в 1929 году, называют манифестом «педагогике сердца» — программным сочинением Корчака, в котором он изложил свои основные взгляды на воспитание детей.

Цикл «Как любить ребенка» включает четыре самостоятельных сочинения: «Ребенок в семье», «Интернат», «Летние лагеря» и «Дом сирот». Он был написан на фронте во время Первой мировой войны.

В этом сборнике оба произведения выходят в новом оригинальном переводе с польского языка.

УДК 37.018.1+159.922.7

ББК 74.90

ISBN 978-985-90468-7-2

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ЧУП «Издательство Дискурс», 2019

Содержание

Право ребенка на уважение	5
Пренебрежение — недоверие	7
Неприязнь	17
Право на уважение	27
Право ребенка быть тем, кто он есть	35
Как любить ребенка	47
Ребенок в семье	49
Интернат	209
Летние лагеря	303
Дом сирот	353
Примечания	441

Право ребенка на уважение

Пренебрежение — недоверие

Мы растем, с юных лет осознавая, что большое — важнее, чем малое.

— Я большой, — радуется ребенок, которого поставили на стол.

— Я выше тебя, — с гордостью утверждает он, мерясь ростом с ровесником.

Неприятно вставать на цыпочки и не дотягиваться, тяжело мелкими шажками поспевать за взрослыми, из маленькой руки выскальзывает стакан. Неуклюже, с большим трудом ребенок карабкается на стул, в коляску, по лестнице, не может дотянуться до дверной ручки, выглянуть в окно, снять что-нибудь или повесить, потому что высоко. В толпе он теряется, его не замечают, толкают. Неудобно, плохо быть маленьким.

Уважение и восхищение вызывает все большое, занимающее много места. Маленькое обычно, неинтересно. Маленькие люди — маленькие потребности, радости и печали.

Нам нравятся большой город, высокие горы, раскидистое дерево. Мы говорим: «Великий подвиг, великий человек».

А ребенок маленький, легкий, его немного. Мы должны поклониться, приблизиться к нему.

А хуже всего, что ребенок слаб.

Мы можем его поднять, подкинуть вверх, посадить вопреки его воле, насильно остановить его бег, свести на нет его усилия.

На каждый раз, когда он не слушается, у меня припасена сила. Я говорю ему: «Не уходи! Не трогай! Отойди! Отдай!» И он знает, что должен так поступить. Ведь сколько раз он безрезультатно пробует, прежде чем поймает, уступит, откажется.

Кто и когда, в каких исключительных условиях осмелится толкнуть, дернуть, ударить взрослого? А каким обычным и невинным кажется нам шлепок, отвешенный ребенку, резкое дерганье за руку, болезненные объятия в порыве нежности.

Ощущение слабости воспитывает преклонение перед силой; каждый, не обязательно взрослый, просто тот, кто старше и сильнее, может резко выразить неудовлетворение, силой подкрепить свое требование и заставить слушаться, то есть безнаказанно обидеть. Это плохая наука и печальные перспективы.

Облик мира изменился. Уже не сила мускулов работает и защищает от врага, не сила мускулов вырывает у земли, леса, моря господство, сытость и безопасность. Сейчас покорный раб — машина. Мускулы потеряли свою ценность и исключительные привилегии, предоставив больше уважения интеллекту и знаниям.

Подозрительный чулан, скромная келья мыслителя разрослись до залов и исследовательских учреждений. Нарастают этажи библиотек, под тяжестью книг гнутся полки. Заполняются людьми храмы гордого разума. Человек знаний творит и повелевает. Иероглифы цифр и знаков каждую минуту бросают в толпу новые достижения, демонстрируют свидетельства человеческого могущества. Все это надо охватить памятью и пониманием.

Растягиваются годы сложного обучения, все больше школ, экзаменов, печатного слова. А ребенок маленький, слабый, еще мало прожил — не читал, не знает...

Опасная проблема: как делить завоеванные территории, что кому делать и как за это платить, как хозяйничать на покоренном земном шаре? Где и сколько разместить мастерских, чтобы накормить изголодавшиеся по труду руки и умы, как удержать человеческий муравейник в послушании и порядке, как уберечься от злой воли и сумасшествия индивидуума, как заполнить часы жизни действием, отдыхом и развлечением, как защищаться от апатии, пресыщения и скуки? Как объединять людей в дисциплинированные сообщества, как облегчать взаимопонимание, когда рассредоточивать и разделять? Тут подгонять и поощрять, там притормаживать, тут разжигать, там гасить.

Политики и создатели законов действуют осторожно, а все равно то и дело ошибаются.

И о ребенке они думают и принимают решения, но кто будет у наивного спрашивать его согласие и мнение? Что он может сказать?

В борьбе за существование и влияние разуму и знаниям помогает смекалка. Расторопный учует добычу и вопреки старательным расчетам получит плату выше стоимости, он внезапно и легко добывает, поражает и вызывает зависть. Надо досконально знать человека — уже не только алтарь его жизни, но и ее хлев.

А ребенок беспомощно семенит с учебником, мячом и куклой, чувствуя, что без его участия, где-то над ним, происходит все важное и великое, то, что определяет

его счастливую или несчастную судьбу, что карает его, и награждает, и ломает.

Цветок — предвестник будущего плода, цыпленок вырастет в курицу, несущую яйца, телочка будет давать молоко. А до той поры забота, издержки и хлопоты: вырастет ли, сбережешь ли?

Все юное вызывает беспокойство, надо долго ждать, станет ли оно поддержкой в старости и компенсирует ли с лихвой все затраты. Но в жизни бывают засуха, заморозки, град, которые губят и уничтожают урожай.

Мы ждем предзнаменований, стремимся предвидеть, обеспечить. Беспокойное ожидание того, что будет, усиливает пренебрежение к тому, что есть.

Рыночная стоимость незрелого невелика. Только перед законом и Богом цветок яблони стоит столько же, сколько и яблоко, зеленые всходы — столько же, сколько спелая нива.

Мы лелеем, защищаем, кормим, воспитываем. Он беззаботно берет; но кем бы он был без нас — тех, кому всем обязан?

Единственно мы, исключительно мы, только мы.

Мы знаем путь к успеху, мы даем указания и советы. Мы развиваем достоинства и подавляем недостатки. Мы направляем, поправляем, обучаем. Ребенок — ничто, всё — мы.

Мы приказываем и ожидаем послушания.

Только мы, ответственные перед совестью и законом, знающие и предвидящие, мы — судьи действий, поступков, мыслей и намерений ребенка. Мы выдаем распоряжения, следим за их исполнением по нашей

воле и пониманию — это наши дети, наша собственность, руки прочь.

(Правда, кое-что изменилось. Уже не только воля и авторитет семьи, но и пока осторожный, однако уже общественный контроль. Легкий, незаметный.)

Нищий по своей воле распоряжается милостыней, у ребенка же нет ничего своего, он должен отчитываться за каждый даром полученный в пользование предмет.

Нельзя порвать, сломать, выпачкать, нельзя подарить, нельзя отказаться. Надо принять и быть довольным. Все в определенном месте, в определенное время, все обдуманно и согласно предназначению.

(Может быть, поэтому ребенок так ценит ничего не стоящие мелочи, которые у нас вызывают только удивленную жалость: хлам, а для него единственная настоящая собственность и богатство — шнурок, коробка, бусинка.)

Взамен за услуги ребенок должен покоряться, хорошо себя вести — пусть выпросит, выманит, только не требует. Ему ничего не принадлежит, мы ему все даем, если хотим. (В голову приходит не очень приятная аналогия: любовница богача.)

В силу нищеты ребенка и милости материальной зависимости отношение взрослых к нему — испорченное.

Мы пренебрегаем ребенком, потому что он не знает, не догадывается, не предчувствует.

Он не знает сложностей и проблем взрослой жизни, не предполагает, откуда берутся моменты наших волнений, разочарований и скуки, что беспокоит нас и лишает хорошего настроения: ему неведомы взрослые

поражения и неудачи. Легко усыпить его бдительность, обмануть наивность и скрыть правду.

Он думает, что жизнь простая и легкая. Есть папа, есть мама; отец зарабатывает, мама покупает. Ребенок не знает, как изменять долгу или бороться за свое.

Он свободен от материальных забот, от сильных искушений и потрясений — он снова не знает и не может судить об этом. Мы отгадываем его сходу, одним мимолетным взглядом, без усилий раскрываем неумелые хитрости.

А может, мы ошибаемся, видя в ребенке только то, что нам хочется? Может, он прячется от нас, может, страдает тайком?

Мы крушим горы, вырубая деревья, истребляем зверей. Все больше селений там, где раньше были дебри и болота. Мы расселяем человека каждый раз на новых землях.

Мы покорили мир, нам служат железо и животные, мы покорили цветные расы, более-менее сформировали взаимоотношения между народами и задобрили народные массы. Но далек еще справедливый порядок, много обид и отчаяния.

Детские сомнения и возражения кажутся несерьезными.

Светлый демократизм ребенка не знает иерархий. Он переживает из-за пота рабочего, и голода ровесника, и горькой доли замученной клячи, и зарезанной курицы. Ему близки пес и птица, ему равны бабочка и цветок, он находит братьев в камешке и ракушке. Не обладая высокомерием выскочки, он не знает, что только у человека есть душа.

Мы пренебрегаем ребенком, потому что перед ним еще много часов жизни.

Мы ощущаем тяжесть собственных шагов, неповоротливость расчетливых движений, скупость ощущений и восприятий. Дитя бегает и скачет, смотрит на что попало, удивляется и расспрашивает, легкомысленно роняет слезы и искренне радуется.

Ценен прекрасный осенний день, когда редко светит солнце, а весной и так зелено. Мало нужно для счастья, достаточно всего ничего — зачем излишне стараться? Мы спешно и бесцеремонно отделяемся от ребенка. Мы недооцениваем многообразие его жизни и радость, которую так легко ему доставить.

От нас убегают важные часы и годы, а у него есть время, он еще успеет, дождетя.

Ребенок не солдат, он не защищает Родину, хотя и страдает вместе с ней.

Не надо считаться с его мнением, он не избиратель: он не угрожает, не желает, не говорит.

Он маленький, слабый, бедный, зависимый — он еще только будет гражданином.

Снисходительное, резкое или жесткое — но всегда пренебрежение. Сопляк, дитя, будущий человек, не настоящий. Он на самом деле еще только будет.

Следить за ним, ни на минуту не спускать глаз. Следить, не оставлять одного. Следить, не отходить ни на шаг.

Он упадет, ударится, покалечится, испачкается, прольет, порвет, сломает, испортит, выкинет, потеряет, поожжет, пустит в дом вора. Навредит себе, нам, покалечит — себя, нас, приятеля по играм.

Следить: никаких самостоятельных начинаний, полное право контроля и критики.

Он не знает, что и сколько ему есть, сколько и когда пить, он не знает границ усталости. А значит, надо стоять на страже еды, сна и отдыха.

Как долго, до какого времени? Всегда. С возрастом степень недоверия изменяется, но не уменьшается, а наоборот — возрастает.

Ребенок не отличает, что важно, а что не имеет значения. Ему чужды порядок и систематический труд. Он рассеянный — забудет, недооценит, забросит. Он не знает об ответственности перед будущим.

Мы должны поучать, приучать, направлять, подавлять, сдерживать, исправлять, предостерегать, предотвращать, навязывать и сражаться. Сражаться с гримасами, капризами и упрямством. Навязывать программу осторожности, внимательности, опасения и беспокойства, плохого предчувствия и мрачного предвидения.

Мы, опытные, знаем, сколько вокруг опасностей, засад, ловушек, роковых ситуаций и катастроф.

Мы знаем, что самая большая осторожность не дает полной гарантии, и, конечно, мы недоверчивы: чтобы совесть была чиста, чтобы при несчастном случае не было в чем себя упрекнуть.

Ему мил азарт своеволия, его на удивление тянет ко всему плохому. Он охотно прислушивается к злым подсказкам, перенимает наихудшие примеры.

Его легко испортить и тяжело исправить.

Мы желаем ему добра, хотим облегчить жизнь, отдаем без остатка весь опыт: готовый — только руку

протяни. Мы знаем, что мешает детям, помним, что нам помешало, — пусть он избежит, обойдет, не узнает такого.

«Помни. Знай. Пойми».

«Сам убедишься. Увидишь».

Он не слушает. Будто бы нарочно, будто бы назло. Надо следить, чтобы послушался, надо следить, чтобы сделал. Сам он, конечно, тянется к плохому, дорогу выбирает худшую, опаснейшую.

Как же терпеть бестолковые проказы, нелепые выходки, неконтролируемые вспышки?

Подозрительный первобытный человек. Кажется уступчивым и невинным, а на самом деле хитрый и коварный.

Способен выскользнуть из-под контроля, усыпить бдительность, обмануть. У него всегда наготове отговорка, увертка, он утаит или совсем обманет.

Он ненадежен, вызывает сомнения.

Пренебрежение, и неуверенность, и подозрения, и обвинения. Болезненная аналогия: скандалист, пьяный, бунтарь, безумец. Как им быть вместе под одной крышей?

900-116. 8/12-367

Неприязнь

Но это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша отрада, услада и надежда, радость и отдых, яркий свет жизни. Мы их не пугаем, не обременяем, не третьюем, они чувствуют себя свободными и счастливыми...

Почему же для нас они — вроде тяжести, помехи, неудобного придатка? Откуда такое неприязненное мнение о любимом ребенке?

Еще до того, как он приветствовал этот негостеприимный мир, в жизнь семьи вкрались беспокойство и ограничения. Ушли безвозвратно короткие месяцы долгожданной законной радости.

Долгий период вялого недомогания заканчивается болезнью и болью, беспокойными ночами и незапланированными тратами. Нарушен покой, исчез порядок, пошатнулся баланс бюджета.

Вместе с кислым запахом пеленок и пронзительным криком новорожденного зазвенели кандалы супружеской неволи.

Тяжело, когда нельзя понять и договориться, надо додумывать и догадываться. Мы ждем, иногда очень терпеливо.

Когда же он наконец начинает говорить и ходить, то плачет, все крушит, лезет в каждый угол, докучливо пристаёт и нарушает порядок — маленький неряха и деспот.

Он вредничает, противостоит нашей разумной воле, требует и понимает только то, что ему хочется.

Не стоит пренебрегать мелочами: обида на детей складывается из слишком раннего вставания, помятой газеты, пятен на платье и обоях, мокрого ковра, разбитых очков и сувенирной вазочки, разлитого молока и духов и платы за визиты врача.

Он спит не тогда, когда мы желали бы, ест не так, как мы хотим; мы думали, что он засмеется, а он испуганно плачет. А какой хрупкий! Любой недосмотр грозит болезнью, предрекает новые проблемы.

Если один взрослый прощает, другой еще больше обвиняет и придирается. Кроме матери свое мнение о ребенке имеют отец, нянька, прислуга и соседка и наказывают его — вопреки матери или втайне от нее.

Маленький интриган провоцирует трения и раздоры между взрослыми — всегда кто-то обижен и недоволен. За снисходительность одного ребенок отвечает перед другим. Часто мнимая доброта оказывается неразумным упущением, и на ребенка падает ответственность за чужую вину.

(Мальчики и девочки не любят, когда их называют «дети». Общее с самыми маленькими название заставляет нести ответственность за прошлое, разделять плохую репутацию малышей — их продолжают преследовать многочисленные упреки.)

Как редко ребенок ведет себя так, как мы желаем, и как часто его взрослению сопутствует чувство разочарования!

«А ведь он уже должен...»

Взамен того, что мы ему даем по доброй воле, он должен стараться и вознаграждать нас, должен понимать, соглашаться и отказываться, а прежде всего — быть благодарным.

С возрастом растут обязанности и требования, но ребенок выполняет их чаще всего не так и в меньшей степени, чем нам хотелось бы.

Часть времени, желаний и влияния мы передаем школе. Удваивается бдительность, возрастает ответственность, возникают конфликты полномочий. Раскрываются недостатки.

Родители ласково прощают, их благожелательность исходит из четкого ощущения вины, что они даровали ему жизнь, и обиды, нанесенной ущербному ребенку. Порой мать в мнимой болезни ребенка ищет оружие против чужих обвинений и собственных сомнений.

Вообще, голос матери не вызывает доверия. Он страстен, некомпетентен. Мы лучше обратимся к мнению людей опытных, воспитателей, специалистов: заслуживает ли ребенок нашей доброжелательности?

Воспитатель в частном доме редко располагает благоприятными условиями сосуществования с детьми.

Связанный недоверчивым контролем, он должен лавировать между чужими указаниями и собственным мнением, требованиями извне и собственным спокойствием и удобством. Отвечая за вверенного ему ребенка, он расплачивается за сомнительные решения законных опекунов и кормильцев.

Он вынужден скрывать и обходить трудности и легко может сойти с истинного пути, стать двуличным, разочарованным и ленивым.

С годами работы увеличивается расстояние между тем, чего желает взрослый и чего жаждет ребенок; ширятся познания в нечестных способах порабощения.

Появляются жалобы на неблагодарную работу: кого Бог хочет покарать, того делает воспитателем.

Нас утомляют эти подвижные, шумные, интересующиеся жизнью и ее загадками дети, нас мучают их вопросы и удивление, открытия и попытки действовать — часто с неудачным результатом.

Мы реже советники и утешители, чаще суровые судьи. Немедленные приговор и наказание дают один итог: выходки от скуки и протеста будут реже, но громче и непокорнее. А значит, надо усилить присмотр, сломить сопротивление, попытаться уберечься от неожиданностей.

Вот он — путь воспитателя к падению: он пренебрегает, не доверяет, подозревает, следит, застаёт врасплох, отчитывает, обвиняет, карает, ищет подходящие способы избежать чего-то, все чаще запрещает и принуждает к абсолютному повиновению, не замечает усилий ребенка старательно написать страницу или так же провести час жизни, а сухо скажет, что все плохо.

Редка лазурь прощения, част пурпур гнева и возмущения.

Насколько больше понимания требует воспитание группы, насколько легче ошибиться в обвинениях и обидах.

Один — маленький, слабый — и то утомляет, вызывают гнев его отдельные поступки, а какой же утомительной, навязчивой, требовательной и непредсказуемой в своих порывах бывает толпа!

Поймите, наконец: не дети, а толпа. Сборище, банда, стая — не дети.

Ты привык к мысли, что ты сильный, а внезапно ощущаешь себя маленьким и слабым. Толпа — великан с огромной общей массой и большой совокупностью опыта: то мгновенно сплачивается в солидарном сопротивлении, то распадается на десятки ног, рук и голов,